

Кристина Камаева

чай, чапати, чили, ЧИЛИМ

16+

Кристина Камаева

Чай, чапати, чили, чилим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29355569

SelfPub; 2020

Аннотация

"Чай, чапати, чили, чилим..." — это книга о жизни в Индии двух русских студенток, их экзотических приключениях, путешествиях и встречах. Пять ярких незабываемых лет провели девушки на чужбине, среди людей, которые живут и думают совсем не так, как принято в нашем социуме. С ними можно ладить, но понять иногда бывает трудно.

Содержание

Виски с зубной пастой	4
Дворец для русских студенток	12
Овощи, мэм	24
Сладкая жизнь	34
Махарани колледж	45
Выпускное паломничество	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Виски с зубной пастой

«Только белые джинсы, только белые туфли», – напевает Жанна и мечтательно глядит вдаль, а в глазах отражается Тадж Махал. Эйфория – точнее наше состояние не определишь. Мы искривимся и взлетаем вверх, как пузырьки в шампанском. В индийском консульстве встретили девушку ОТТУДА с тикой во лбу и в бирюзовом сари с золотой каймой. И мы ТАМ будем.

«Какой университет вы предпочитаете? В Пуне, Агре, Хайдарабаде, Бангалоре? – спрашивает консул. – Если не хотите почувствовать себя в отрыве от цивилизации, выбирайте Бангалор. Там и климат самый благоприятный. Но предупреждаю, хинди выучить будет сложно: в штате говорят на каннада».

Хинди, конечно, нужен позарез, но мы, не раздумывая, выбираем цивилизацию и климат, ну, а на хинди кто-нибудь из шести миллионов бангалорцев наверняка говорит. Мы будем стажироваться в стране легенд бесплатно, и даже получать стипендию от Индийского центра по культурным связям. Мечта заветная трехлетней выдержки наконец–то материализуется.

– Как долго продлится ваша стажировка? – строго спрашивает декан восточного факультета.

– Три года, – мы скромно опускаем глаза. Он удивленно поводит бровью и глядит на нас так, как будто старается запомнить.

– Постарайтесь не заразиться в Индии чумой или желтой лихорадкой, – напутствуют нас. – Найдите вакцину.

В поликлинике для моряков дальнего плавания, где делают прививки от экзотических болезней, медсестра, выслушав наши пожелания, возмущается: "Ща-ас! У меня ампула от чумы рассчитана на сто человек. Ради вас я не буду ее вскрывать! А после прививки от гепатита три дня отходить будете. И вообще, что вы там по помойкам лазать собираетесь? Или с прокаженными обниматься? Нормальная страна, хорошие больницы, поезжайте со спокойной душой.

«Надо обязательно взять фен и утюг – это предметы первой необходимости, – заявляет практичная Жанна. – Хорошо бы еще постельное белье прихватить и одеяло, но мы все не поднимем». Приходится ограничивать себя. Мы покидаем Россию с легким сердцем: в двадцать лет любопытство преобладает над страхом.

В Дели нас встречает водитель из центра по культурным связям. Увидев наш багаж, хмыкает: "И это все"? – Оказывается, студенты, которые приезжают сюда из других стран, везут с собой даже электрические плиты и спальные мешки.

Нам сразу не везет: в воскресенье офис не работает, стипендию за три месяца и билеты до Бангалора можно получить только в понедельник. Задача водителя – устроить нас

в общежитие. Но поскольку учебный год уже начался, мест там нет. Недовольному шоферу приходится искать варианты. Он находит нам пристанище в Вишва Ювак Кендре – международном молодежном центре. Самая заурядная комната здесь стоит пятьсот рупий. Есть столовая и конференц-зал. Идти в столовую Жанна отказывается наотрез: "Я приехала так далеко не для того, чтобы отравиться и умереть". Комната тоже приводит ее в ужас: "Посмотри на этот душ! Эти простыни! Мы подхватим здесь вшей и дизентерию. Надо искать другую гостиницу".

Молодежный центр находится в районе Чанакьяпури. Здесь широкие, вымощенные камнем, вылизанные улицы, зной, нет деревьев и людей. На моторикше добираемся до гостиницы, но номера в ней стоят двести-триста долларов, нам не по карману; приходится зайти в ресторан и хоть немного утешиться бараньими ребрышками и чаем со льдом. Отдохнув в прохладном зале, решаемся ехать за покупками.

"Хотя бы постельное белье, – настаивает Жанна, – чтобы не касаться этих жутких простыней". – Останавливаем такси, черную машину с желтым верхом, и тут же жалеем об этом: дорого, невыносимо жарко и душно. В маленьких, открытых всем ветрам моторикшах ощущается прохлада и скорость. Почти все водители такси в Индии – сикхи. Как правило, они объемного телосложения, обязательно в чалмах и родом из штата Пенджаб. Их вероисповедание не разрешает стричь волосы и бриться, под чалмами у них скрученные в шишечки

волосы. Сикхи верят в единого бога, избранную расу святых воинов, перерождение и карму.

Едем долго и скоро начинаем нервничать. Улицы становятся уже и грязнее, людей все больше, появляются худые меланхолические коровы и груженные до небес тележки, ведомые горбатыми волами.

– Куда ты везешь нас Сусанин Аджой? – вопрошаем мы невозмутимого сикха, но он только машет рукой.

– Поворачивай назад! Нам нужно в магазин! – напряженные интонации выдают наше беспокойство.

– Да, мадам. Очень хороший магазин у моего друга! – кивает сикх.

Жалостливо оглядываемся по сторонам. Очень хороший магазин в этом убогом квартале? Чем же торгует твой друган? Потерявшимися белыми мадамами?

Наконец, таксист останавливает машину у какого-то подозрительного дома, рядом с которым прямо на земле отдыхают несколько человек. Он приглашает нас выйти, и мы нехотя соглашаемся. Магазин изнутри оказывается куда более впечатляющим, чем снаружи. С любопытством разглядываем огромных, выше человеческого роста, деревянных полированных слонов, многоруких истуканов, горы ковров, скатанных в рулоны, и нескончаемые ряды сувениров. Нам предлагают заглянуть в сундуки с драгоценностями, но мы талдычим свое: "Простыни нам нужны, наволочки!" – Хозяин разводит руками. Простыней нет, наволочки – только

расшитые золотом, со сценами соитий по мотивам Камасутры. Мы смеемся и заставляем рикшу везти нас в другой магазин. Такие никчемные оказались клиентки, нет бы, приобрести себе по сандаловому слону и ковер вместо постели. Сикх улыбается, кажется, он не расстроился.

На этот раз едем в самое сердце Дели – Connaught Place, трехъярусный комплекс, где располагаются банки, магазины, офисы и туристические агентства. Все здания здесь не выше трех этажей и окружены колоннами. На мраморном тротуаре идет бойкая торговля одеждой, сувенирами, газетами и книгами. Увидев потенциальных покупателей, да к тому же девушек, в атаку идут продавцы и чистильщики обуви.

– Купите пальцы! Купите пальцы!

– Я не умею вышивать.

– Это просто! Я научу вас, мэм.

– Белые медведи! Посмотрите, какие хорошенькие! – их едва не запихивают мне за пазуху.

– Шахматы! Барабаны! Дудки!

– Мне ничего не нужно!

– Очень дешево, мэм!

– Мадам, вы выглядите, как кинозвезда! Можно почистить вам ботинки?

Мы не чувствуем себя одинокими в чужой незнакомой стране. Нас уже сопровождают мальчик с дудками и мальчик, увешанный барабанами всех размеров. Пацан с дудками поминутно поворачивается и дудит мне в ухо. Не потому,

что он хочет во что бы то ни стало продать свой товар, просто ему нравится так делать. Под ногами стелется пара-тройка ребят с щеточками, они норовят ухватить нас за ноги и почистить черной ваксой светлые босоножки. Мужчина внушительного телосложения мягко ступает сзади и шепчет:

– Вы очень устали, мадам. Позвольте помассировать вам шею.

Тут же возникает на пути темнолицый индус и устрашающе помахивает длинной металлической спицей.

– Будем чистить уши, мадам?

Дорогу нашей ватаге преграждает усатый красавчик.

– Мадам, поехали в Кашмир!

– Там война и туристов воруют, – устало возражает Жанна.

– Зато, какая красота! – восклицает кашмирец, – и дешево, потому что все боятся.

В панике мы спасаемся в ближайшем магазине. Он совсем маленький, но продавцов здесь человек пятнадцать. Они жадно кидаются к нашим ногам, предлагая весь свой ассортимент обуви. Соглашаемся мерить босоножки: в магазине прохладно, работает кондиционер. Сквозь стеклянную витрину видно, что сопровождающая нас процессия не собирается расходиться. Приходится прятаться в ресторане. Мы никуда не торопимся в надежде, что уличные приставалы отвлекутся на новые жертвы.

Нам все-таки удастся купить постельное белье в магазине

неподалеку от парка. "Развеемся? – предлагает Жанна. – Я что-то перенервничала. Голова болит".

Идем под сень деревьев и находим свободную скамейку. Но стоит только присесть, как тут же появляются продавцы кока-колы, мороженого, и все те же чистильщики обуви и берут нас в кольцо.

– Домой! – немедленно вскакивает Жанна, и мы ретируемся, не позволив индийцам даже озвучить свои предложения.

– Рикша. Нам нужен рикша! – нервно оглядывается по сторонам Жанна, но, заметив столпотворение у ларька неподалеку, меняет решение.

– Мне кажется? Или там действительно продают спиртное? – Купить горячительные напитки в Дели не так-то просто, особенно, если не знаешь где. А в ресторанах очень дорого. Жанна решительно направляется к ларьку, и я семеню следом. Толпа мужчин встречает нас белозубыми улыбками.

– Неужели мы будем стоять с ними в одной очереди? – переживаю я. Но тут один из граждан кричит:

– Эй! А ну расступись! Леди хочет купить. – Мужчины послушно расходятся и освобождают путь к прилавку. Торжественно ступаем под буравящими нас восторженными взглядами. С видом знатока Жанна делает выбор.

– Виски, пожалуйста. – Расплатившись и забрав бутылку, мы, не спеша, покидаем место действия, как будто сходим со сцены. Индийцы передают друг другу:

– Леди купила виски! – В голосах слышится затаенное восхищение и ужас. Их жены никогда не покупают виски.

Вернувшись в молодежный центр, застилаем казенные постели купленным бельем и включаем бойлер. Жанна не рискует мыться под душем. Она оттирает ведро с мылом, наполняет его водой, кидает туда обеззараживающую таблетку, а потом еще и марганцовку.

– Мы что, всегда так будем делать? – уныло спрашиваю я, поливая ее из пластиковой бутылки.

– Если хочешь подхватить чесотку, можешь мыться простой водой. Только потом не жалуйся! – страшает Жанна.

Я за границей впервые, а Жанна бывала в разных странах. Надо доверять ее опыту. И все-таки я не готова к таким сложностям. Напоследок Жанна чистит зубы и полощет рот виски. Перед сном мы выпиваем по стакану виски, чтобы уничтожить всех проникших в нас за день микробов. Пусть знают, нас, русских, им врасплох не застать и не уморить.

Дворец для русских студенток

В Дели мы получаем причитающуюся нам за три месяца стипендию, всего шесть тысяч рупий (около двухсот долларов). Пора отправляться в Бангалор. Работники Индийского центра по культурным связям советуют ехать поездом за пятьсот рупий.

– Только самолетом, – заявляет Жанна.

Индийцы шушукаются, звонят в агентство. – Но вам это обойдется в семь тысяч пятьсот рупий за каждый билет.

– Нет проблем, – невозмутимо отвечает Жанна.

– Как нет проблем? – взрываюсь я. – У меня же совсем не останется денег!

– Зато ты будешь живая! – восклицает Жанна. – Представляешь себе, что это такое двое суток в индийском поезде? Жара, грязь, вонь и микробы. И не думай. А деньги я тебе займу.

Мое сердце сжимается. Мы приехали сюда жить, учиться и получать удовольствие. На три года. Что же, так и будем шараться от всего местного? Скрепя сердце, уступаю. Главное, не разлучаться и по возможности поддерживать друг друга.

Летим в Бангалор в комфортабельном самолете в окружении приветливых симпатичных стюардесс. В прохлад-

ном аэропорту нас встречают представители Бангалорского ICCR (индийского центра по культурным связям). Здесь с нами разговаривают ласково, не то, что в Дели, где столичный народ уже устал от наплыва иностранных студентов. На маленькой белой машинке Ambassador нас везут по городу. Мы в восторге – вот он пышный юг Индии! Деревья цветут и благоухают, зелено, весело; дома, в основном, двух или трехэтажные, все разные и красивые.

Мистер Сури Рао очень любезен, и не устает восхищаться нашим английским. Иностранные студенты, как правило, никакого языка, кроме своего, не знают. На первых порах с ними ни о чем толком не поговоришь. Когда Сури Рао сказали, что ему предстоит встречать русских, он испугался, что не сможет объясниться. А тут такая радость: мы разговариваем! Очень скоро он убедился, что в этом есть свои минусы.

Припарковав Ambassador у ворот студенческого городка, мистер Сури Рао и водитель Умерш сопровождают нас на территорию колледжа, обнесенную крепостной стеной. Поражает буйная древесная растительность – настоящее раздолье для обезьяньих стай. Постройки в диких садах едва различимы. Прежде всего, нас ведут в общежитие. Мужчин вход в это здание категорически запрещен, поэтому нас передают на попечение комендантше. Любопытные девушки с жасминовыми гирляндами в черных косах выбегают на крыльцо и причмокивают от удивления.

"Сдается мне, это не общежитие для иностранных студен-

тов", – шепчу я Жанне. Комендантша ведет нас по темному коридору и распахивает дверь в будущее жилище. Оторопь берет от скудости зрелища. Ладно, нет обоев и стены не крашенные, нет люстр и ковров, но и стекол в окнах тоже нет. Они зарешечены, как в тюрьме. Есть еще деревянные ставни, видимо, их закрывают на ночь. В комнате стоят две голые железные койки, постелей не полагается, так что мы их покупали не зря. Но теперь нам понадобятся еще матрасы и одеяла.

Заглянув в соседнюю комнату, примечаю, что местные девушки обходятся без таких мелочей, просто застилают кровати каким-то тряпьем. Окинув взглядом убогий интерьер, Жанна заявляет: "Остается спросить, где параша". – Туалеты и душевые находятся в конце коридора. Впрочем, душевые – это просто краны в кабинках, а туалеты – дырки в полу. Надо набирать воду в ведра и поливать себя из ковша. "Твой любимый способ", – издеваюсь я. Выходим на улицу сильно озадаченные и удрученные.

– Мы здесь не останемся.

– ???

– Нам обещали общежитие для иностранных студентов.

– В Бангалоре нет специальных общежитий для иностранцев.

– Это же просто тюрьма. Решетки. Никаких удобств. Вода холодная. Свет тусклый. Мы здесь заболеем и умрем.

– Так ведь – общежитие, – разводит руками Сури Рао, –

надо приспособливаться.

– Приспособливаться? – возмущается Жанна. Это самое страшное для нее слово. – Мы не сможем здесь жить. В России совсем другие общежития. Светлые, с диванами, кухнями, электрическими плитами. С прекрасными туалетами, наконец, и горячей водой.

– Но здесь безопасно. В семь часов общежитие закрывается. Вам, иностранкам, ничего не угрожает, – не сдается Сури Рао.

– Нет!

– Трехразовое бесплатное питание!

– Нет!!

– Очень дешево!

– Нет!!!

Вот тут он наверняка пожалел, что мы такие коммуникабельные, и понял, что избавиться от нас будет непросто. В тот день нас устроили в дешевой гостинице в Виджай-нагаре. В комнатке были кровати, постели и отдельный санузел. После студенческого общежития она показалась настоящим люксом. В лавке для нас прикупили индийской еды и бананов.

– А где продается мясо? – в два голоса спросили мы, пожевав пури и закусив их бананами.

– Ах! – изумился Сури Рао, закатывая глаза.

Чего же он ожидал? Что мы махом приспособимся к национальной кухне? И вот мы снова в машине. Хлещет дождь.

Оказывается сейчас сезон дождей, а утром это нисколько не ощущалось. Реки воды текут по улицам, и прохожие бредут по колено в мутном потоке. Едем долго. Либо город очень большой, либо мясо продается только у черта на куличках. Стремительно надвигаются сумерки: темнеет в Индии уже в шесть часов вечера. Доставив нас на место, водитель Умерш прощается: – его рабочий день закончился. Сури Рао по воле долга идет с нами в ресторан. Увидев вывеску заведения, Жанна издает победный клич. KFC! – Цыпленок, жаренный по-кентукски! Заказываем цыпленка с хрустящей корочкой, салаты, картофель фри и кока-колу. Истинный вегетарианец Сури Рао не одобряет наши хищные вкусы и отказывается принять участие в пиршестве.

Город за окном сверкает броскими вывесками и разноцветными огнями. Запоминаем название улицы – "Brigade Road". Закупив еды впрок, идем под дождь ловить моторикшу. Сразу вымокают ноги, приходится подворачивать платье, но это помогает ненадолго. Рикша несется вперед по волнам, и вода захлестывает внутрь машинки, как в шлюпку, попавшую в шторм. Мы прижимаем к груди самое дорогое, что у нас здесь есть: коробочки с цыпленком KFC. Их удастся довести сухими.

На следующий день в поисках жилья едем в теологический колледж, затерянный в древнем парке. Девушки в длинных монашеских платьях и косынках скромно ходят по тенистым аллеям. "Ясно, – усмехается Жанна, – теперь они

нас в монастырь решили упечь. Наивные". Приставленная к нам вместо Сури Рао Леди Мэтьюс дорогой рассказывает о том, какие чудесные условия в христианских общежитиях, и как трудно найти там место. Но директор колледжа, хороший знакомый мистера Лобо – директора ICCR, обещал выделить нам "квоту". Все мы христиане и должны помогать друг другу.

Еле находим эту самую «квоту» – сараюшку с узкой щелью под крышей вместо окна. Стоит на отшибе, изгороди нет, при желании любой может туда проникнуть. Даже леди Мэтьюс согласна, что здесь не безопасно. "Мне кажется, что лучше искать жилье самим", – шепчет Жанна.

Потом нас везут на прием. В Бангалоре приемы, то есть знакомство студентов с официальными лицами или просто с влиятельными людьми города, обычное дело. Там мы знакомимся с другими иностранцами, приехавшими учиться в Бангалор по программам обмена или за свой счет. Здесь присутствуют студенты из ЮАР, Японии, Кении, Уганды, Ирана, Иордана и с Берега Слоновой кости. Нас угощают самым странным в моей жизни обедом. На огромном блюде аккуратно разложены кучки непонятной консистенции, но очень ярких цветов: розовых, желтых, зеленых, – несъедобные с виду. Какие-то профессора и министры интересуются: "Вам нравится еда?" – И, как нарочно, ни одной урны в обозримом пространстве. Заметив мой растерянный вид, к нам подходит познакомиться негр с Берега Слоновой кости. На офи-

циальные приемы негры с удовольствием наряжаются в костюмы и галстуки, но иногда забывают надеть носки. Дружелюбный студент оттопыривает карман своего костюма: "Да что там! Складывай все сюда". – Сразу становится веселее.

Пользу от этого приема для нас трудно было переоценить. Мы пожаловались на бездомность и неприкаянность, поплакались добрым людям. Все сразу загорелось желанием нам помочь, чуть не передрались за право быть поводырями в огромном Бангалоре. И... пригласили в гости. Не в нашем положении было отказываться, в тот же день мы отправились к друзьям студента из Бахрейна.

Они недурно пристроились в центре города, в Виджая Киран Апартаментах: четырехэтажном здании с пятью подъездами, подземной стоянкой и прекрасным охраняемым двором. Увидев телевизор, огромные окна, плетенную из бамбука мебель, мы расслабились. "Слава Богу!" – сказала Жанна. Наши новоявленные знакомые из Ирана подсуетились и накрыли шикарный стол. Нас заверили, что найдут нам квартиру, подобную этой, покажут европейские магазины и рестораны, и что завтра же мы вместе с ними начнем поход по агентствам недвижимости. Вечером нас отвезли в Виджая-нагар на мотоциклах, а на следующий день обещали забрать оттуда.

В комнате на полу мы нашли красную розу. Похоже, что кто-то забросил ее в окно. У нас появился тайный поклонник. На первом этаже гостиницы была занята только одна

комната, смежная с нашей. Жили там штук пятнадцать-двадцать индийских юношей. Когда наши маршруты пересекались, они, молча, пожирали нас глазами. На ночь дверь их комнаты запиралась, и на нее навешивали огромный замок; это, наверное, для того, чтобы нам было спокойнее.

Существовала еще одна дверь между комнатами, но и она была заперта. Вдруг из-под нее появилась записка. Прочитали. "Вы такие красивые и белые!" Посмеялись, отвечать не стали. Лезет в щель еще одна записка. "Я приду в полночь с синей футболкой. Можете делать со мной все, что хотите". Тут мы вообще упали в истерику. Не совсем понятно, что же имел в виду загадочный автор? Он придет с синей футболкой и подарит нам как сувенир? Или наденет ее, чтобы мы его узнали, потому что на самом деле придет их много? Хорошо, что дверь была заперта, и все, что могли себе позволить соседи, это тихонько скрестись в нее до самого утра.

Новые друзья предупредили нас о том, что денежные дела с индийцами надо вести очень внимательно, и до заключения договора с печатями и подписями никаких авансов не давать. Агентство, в которое мы попали, выглядело респектабельно: интерьер дорогой, агент одет модно, а секретарша красивая. Агент предложил посмотреть квартиру, которая, по его разумению, нам бы подошла. Он посадил нас в сверкающую новенькую Maruti, а сопровождавшие нас Нейсон и Реза поехали следом на мотоциклах. Мы помнили их предостережение: "Ничего не хвалить. Иначе индусы заломят це-

ну".

Машина остановилась у шестиэтажного дома, который лебедем vyplыл нам навстречу из буйного сада. Агент кивнул охраннику и завел нас в подъезд. Такой подъезд бывает в шикарных отелях, но никак не в жилых домах! Колонны, хрустальные люстры, плитка под малахит и широкая лестница, уводящая вверх.

– Вполне сносно, – одобрили мы. – Агент подвел нас к лифту, и мы отразились в его зеркальных дверях.

– Первый раз вижу здесь лифт, – просипел Реза, чтобы агент не расслышал.

– Нашел диковинку! – пожали мы плечами.

Лифт остановился на четвертом этаже, агент с торжествующей улыбкой повел нас по просторному светлому коридору и распахнул первую дверь. За ней оказался огромный зал со сводчатым потолком, где высоко-высоко сияли россыпи ярких лампочек. Мягкие диваны и кресла перемежались с живописными фонтанами, скульптурами и пальмами. Мы подавили восторженное "Ах"! и оно прозвучало как "Ыхм".

– Зал для вечеров, – пояснил агент, – жильцы могут приходить сюда, если им скучно. Кроме того, есть бассейн, бильярд, тренажеры и зал для приемов.

– Еще скажете, что тут всегда течет горячая вода! – усмехнулась Жанна.

– Естественно! – возмутился задетый за живое агент. – Пойдемте, посмотрим комнаты.

Нам показали несколько комнат, из которых "любая могла бы стать нашей". Стоит ли говорить, что все они были с роскошной мебелью, телевизорами, телефонами и даже ваннами. Тут уж иранцы не могли сдержать восторга. Оказалось, что ванна в Индии еще более редкая вещь, чем лифт. На балконе, кроме экзотических цветов и деревьев, были качели, плетенные из бамбука, и мы сдались окончательно. "Это мираж! – заговорил Реза вдохновенно. – Вы просто везучие! Европейский уровень!"

– В целом неплохо, – сказали мы агенту, – и когда сюда можно будет переехать?

– Да хоть на днях! – воскликнул он. – Сейчас тут проживают друзья хозяина из Бомбея, приехали отдохнуть, развлечься. Но они уезжают сегодня-завтра.

– Хм, а когда мы будем здесь жить, друзья хозяина тоже будут приезжать?

– Что вы! – изумленно взмахнул ресницами агент. – Просто это новые апартаменты, никому еще не сдавались. Никто не потревожит вас, когда вы тут поселитесь. Если желаете, можно сегодня же заключить договор.

Да! Мы желали! Как можно скорее. Переехать в этот дворец в центре города из комнатенки в Виджаянагаре с беспокойными соседями за стеной. Мы заключили договор, Нейсон и Реза его тщательно изучили, и Жанна заплатила депозит.

Через два дня мы пришли в агентство за ключами, но там

нам заявили:

– Ой! Представляете, эти люди из Бомбея еще не съехали. Не могли бы вы подождать еще два дня?

– Как! – завопили мы, – а где мы будем жить? – Агент развел руками.

Через два дня он попросту спрятался куда-то. По телефону мы узнавали о его болезнях, поломках машины, сверхсрочных делах. Казалось, что в жизни его наступила черная полоса с тех пор, как им был получен депозит. Стало ясно, что жить в прекрасной квартире и кататься на качелях мы не сможем никогда.

Сейчас-то я понимаю, что агент показал нам не жилой дом, а недавно построенную гостиницу уровня пяти звезд. Удивительно, почему иранцев, проживших в Индии четыре года, не насторожило, что комнаты были полностью меблированы? В Индии квартиры сдают пустые: ни столов, ни стульев, – разве что лампочки не выкручивают. А тут – телевизоры, фонтаны, рояль!

Деньги нам вернули, но не сразу. Каждый день мы приходили и получали их порциями, а жили в гостинице "Подсолнушек" за пятьсот рупий в сутки, не представляя, что делать дальше. Первый неудачный опыт выбил из колеи. Бездомные, в чужой стране, мы все-таки решили поучиться, и пришли в колледж на занятия. Там нас с нетерпением ждали работники ICCR.

"Что это такое?! Куда вы пропали?!"

Можно представить, что они пережили, не обнаружив нас в Виджаянагаре. Им доложили, что мы съехали несколько дней назад в сопровождении неизвестных мужчин с наружностью арабских террористов. Бедный директор ICCR уже кусал локти и представлял, как будет отчитываться перед русским консулом и нашими родителями. Нас могли обмануть, украсть, продать в рабство и просто убить. И все потому, что опекуны нас не уберегли.

– Немедленно дайте свой адрес! Вы должны предупредить о каждом своем шаге! Где вы живете?

– В гостинице "Подсолнушек", – тихо ответили мы. Было неловко. Они действительно за нас волновались. А мы просто не привыкли, чтобы нас опекали. Подумав, все-таки решили переехать в общежитие. Надо освоиться и не торопясь подыскать подходящее жилье. После занятий сотрудники ICCR повезли нас на рынок закупать матрасы, одеяла и посуду.

– Как бестактно, – возмущался мистер Лобо, – сказать, что наше общежитие похоже на тюрьму! Думаете, не обидно такое услышать? Индийские девушки живут и никогда не жалуются. В следующий раз, прежде чем приглашать в Бангалор русских, я прикажу построить здесь дворец.

Мы молчали.

Овощи, мэм

На ужин мы берем себе риса из столовой и приносим в комнату, хотя делать это запрещено. Соседки внимательно смотрят на нас. Ужин готовится просто: в одном большом котле варят рис, в другом – карри. Карри состоит из овощей, приправ и, конечно, чили. Когда все готово, шлепают на тарелку рис, сверху – карри, и кушайте на здоровье. Рис в Индии не солят. Помяв вилкой еду, зачерпываю немного и кладу в рот. Мысленно кричу: "Мама! Роди меня обратно!" – Жгучая боль опалает и горло, и нёбо, и губы, я краснею, из глаз льются слезы. Жанна протягивает бутылку с минеральной водой. Глушу пожар и отставляю тарелку в сторону.

– Не будешь? – спрашивает Жанна. Я отрицательно мотаю головой.

– Столько людей голодает.

– И я с ними заодно.

Жанна, когда голодна, может съесть практически все. Но ей тоже не удастся осилить первый "общажный" ужин. Идем во двор, там мусорные баки, куда выбрасывают остатки пищи, прежде чем мыть тарелки. Нетронутая еда вызывает уйму вопросов у студенток. Они спрашивают на местном языке – каннада, но в этот момент он нам понятен. "Остро. Слишком остро. Есть невозможно!" – отвечаем мы по-английски и

на хинди, выразительно закатывая глаза и показывая на горло. Спать укладываемся голодные и злые.

Утро в Индии начинается рано. Еще до рассвета пробуждаются индийские девушки и устраивают перекличку в коридоре.

– Падма!

– Мамла!

– Маджила!

Как будто соревнуются, кто из них голосистее.

– Сейчас выйду, по стенке размажу, – грозит Жанна. Не выйдет, ей лень выползти из-под одеяла. Слышится гром ведер, смех, перепалки на незнакомом языке – и все это за нашей дверью. Но мы спим, не поддаваясь на провокации. Вдруг кто-то ухаёт чем-то тяжелым в дверь.

– Ну что еще?! – рычит Жанна.

Стук повторяется снова и снова, наверное, произошло что-то важное и будить нас велено до победного результата. Я влезаю в джинсы и распахиваю дверь. На пороге стоит беззубый худой старик на тонких ногах, в грязной майке и дхоти (кусок ткани, которым мужчины оборачивают себя вместо брюк). Это повар. Ему одному из всего мужского населения города не возбраняется свободно гулять по женскому обществу. Он весело улыбается кроваво-красным от постоянного употребления бетеля ртом.

– Что вам надо? – спрашиваю я.

– Овощи, мэм! – счастливый старик протягивает мне же-

лезную миску с зеленым месивом. Я растерянно принимаю ее, и повар уходит. Индусы сориентировались быстро: не можете есть острое, пожалуйста, вам пресное. А с голоду помереть не дадим.

– Что он принес? – выглядывает из-под одеяла Жанна.

– Завтрак в постель, – улыбаюсь я, подсовывая ей под нос миску пахучего силоса, – хочешь?

– Фу! – отворачивается Жанна. – А что так рано?

– Чтобы с чили не успели перемешать, – догадываюсь я.

Ковыряем завтрак, в нем трудно узнаваемые кабачки и очень редкие куски картошки. Остальная масса похожа на траву с газона, присыпанную какими-то семенами.

– Лучше не стало, – комментирует Жанна, – давай выбросим?

– Давай! – соглашаюсь я. Прикрывая содержимое миски рукой, воровато пробираюсь к мусорному баку. В железном ящике меня ожидает сюрприз – толстая, очень важная обезьяна. Она заполняет собой все пространство. Трудно представить, что ей под силу поднять свое необъятное брюхо. Как-то неудобно вываливать на нее пищу, хочется вручить вместе с тарелкой и вилок. А то еще рассердится за испорченный костюмчик. Но тарелка может еще пригодиться. Я быстро опустошаю ее, стараясь не попасть в царственную особу, и бегу прочь, пока она не распробовала подношение. За время нашего пребывания в общежитии, я ни разу не видела, чтобы к мусорному баку подходили уборщики. Либо

они приезжали рано, пока мы спали, либо обезьяны, вороны и бурундуки справлялись сами.

– Придумала! – радуется Жанна, – мы сварим яйца. Хорошо, что купили электрическую плиту.

Но единственная розетка, увы, в коридоре, и к ней выстроилась длинная очередь девиц с ведрами. Они неукоснительно придерживаются хорошей индийской традиции: омыться с головы до ног каждое утро до восхода солнца. Поскольку сейчас время холодное, то и вода в душе почти ледяная. Вот они и стараются встать пораньше, чтобы с помощью кипятильников нагреть воду. Похоже, что с мечтой о вареных яйцах лучше расстаться.

– Я пропущу вас, – неожиданно говорит девушка с роскошными волосами.

Студентки немедленно собираются вокруг, спрашивают, что мы готовим, и смотрят с любопытством, как будто варка яиц невероятно увлекательный процесс. Сладкий чай с молоком проще взять в столовой. В Индии его подают в маленьких металлических стаканчиках, не доливая жидкость до краев, чтобы можно было держать емкость. Для приготовления такого напитка используют не листовый чай, а очень мелкий, почти пыль, и заваривают его прямо в кастрюле с кипящим молоком. Потом добавляют воду.

После завтрака Жанна запирает дверь и затягивается сигаретой. Курить запрещено не только в общежитии, но и на всей территории колледжа. За курение могут даже исклю-

читать из учебного заведения и выгнать из общежития. Большинство индийских девушек не курят, а те, кто поддался соблазну, считаются испорченными. Но что такое слово "запрещено" для русского человека?

Как назло, в коридоре раздаются голоса, шаги, и вот уже в нашу дверь стучат. Жанна с досадой приминает тлеющее зелье и прячет сигарету, потом широко распахивает окно и пытается развеять дым, размахивая тетрадкой. Я поджигаю пластинку от комаров. В дверь ломаются, приходится открывать. На этот раз нас пришла навестить целая делегация: комендант и с ней еще несколько женщин. Одна из них, в военной форме, принюхивается:

– Вы здесь курили?! – восклицает она.

– Нет, конечно, – защищается Жанна, – пластинки поджигали.

– У пластинок совсем другой запах, – гневно сверкает глазами Леди – острый нюх. – Не надо меня обманывать. Следует подчиняться правилам общежития!

– Каким правилам? – округляет глаза Жанна.

– А вот этим! – показывает блюстительница нравов sereneкую невзрачную тетрадку, которой Жанна гоняла дым. – Изучите внимательно. О курении я доложу директору колледжа.

– Как вы мне дороги! – в сердцах ругнулась Жанна, когда они ушли. От запретов у нее всегда портится настроение, бывает, что и до слез.

Директор колледжа, когда мы предстали перед ней «на ковре», сказала Жанне:

– Зачем же вы курите, моя дорогая? Это пагубная привычка, нужно ее искоренять. Отвлекайте себя. Захотелось курить, а вы бегом в библиотеку. Книги помогут вам, увлечетесь чтением и забудете о сигаретах.

Дневное время мы проводили подальше от общежития. Ездили в центр города, посещали рестораны и модные магазины. Ходили в гости помыться под горячим душем. Но к семи часам приходилось возвращаться, потому что в это время на общежитие навешивали огромный замок, и опоздавшим дверь никогда не открывали. Каждый вечер дежурные ходили по комнатам и всех пересчитывали. Жанна лезла на стены от тоски. Я пыталась увлечь себя учебой. Это было непросто. Здесь начинали учить хинди с чтения длинных поэм, написанных на древних, давно вышедших из употребления диалектах этого языка: авадхи и кхариболи. На уроках мадам переводила поэмы на хинди и тут же на хинди объясняла, что автор имел в виду.

Директриса колледжа постоянно приглашала нас к себе. Ее интересовали наши дневные отлучки. Она не понимала, почему после занятий мы не идем в общежитие, а куда-то уезжаем. Происходили диалоги примерно такого содержания.

– Куда вы ходили вчера?

– В Cubbon Park.

– В парк?! Зачем?

– А зачем ходят в парки? Посмотреть, погулять.

– Понимаю. Но вы ходили туда совсем одни?

– Мы вдвоем.

– Вы иностранки, мой долг предупредить вас, что Cubbon Park – гиблое, опасное место.

Или:

– Я слышала, вы познакомились с Рупой?

– Да, верно.

– Будьте осторожнее. Эта девушка может вас испортить.

– ???

Между тем, опасные парки были похожи на обычные, с каруселями и паровозиками для малышей, с планетариями и террариумами, с древними могучими деревьями: баньянами, манго, кокосовыми пальмами.

Только потом мы поняли, что всего опасаться в Индии должны незамужние девушки, которым полагается выходить из дома в сопровождении родственников. Нам же лучше было запереться, спрятаться под паранджой и никуда не ходить. Быстро отучиться три года и катить обратно, в Россию, к папе и маме. А семнадцатилетняя Рупа имела смелость разговаривать с представителями противоположного пола. Она могла познакомить нас с индийскими ребятами, и это как-то серьезно угрожало нашему моральному облику.

Директриса – дама эффектная, родом из племени кургов. Курги живут в Карнатаке, в южной Индии, но отличаются

от местных жителей и обликом, и традициями. Они похожи на грузин, устраивают пиршества, едят мясо и пьют вино. У нее красивое волевое лицо, а кабинет увешан щитами и саблями. Она наблюдает за нашей жизнью и мечтает уберечь от многочисленных искусов.

– Хватит вам искать квартиру, – принимает она неожиданное решение, – поселяйтесь у меня. Я денег не возьму. Будете готовить русские блюда.

Вот это вариант! Мы непроизвольно пятимся назад. Не вегетарианка – директриса хищно улыбается, глядя на нас.

– Мы не умеем готовить, – защищаюсь я.

– И не хотим вас потеснить, – вторит Жанна, – нам нравятся в общежитии.

Интересно, пришла бы в голову декану восточного факультета или ректору университета в России мысль поселить у себя дома индийских студенток просто так, из любопытства к чужому народу? Едва ли.

В общежитии был один черно-белый телевизор, смотреть который разрешалось только в определенные часы. Девушки собирались вместе и дружно сопереживали героям каннада фильмов. Когда мы были им в диковинку, они приходили к нам. Разговор не клеился, большинство из них не знали ни английского, ни хинди. Только и могли спросить: "Как вас зовут"? и "Что вы будете кушать?" Зато с удовольствием рассматривали наши вещи и тут же друг с другом их обсуждали. От них мы узнали, что решетки на окнах – защита от обе-

зьян. "Но, – предупреждали студентки, – обезьяны все равно могут просочиться сквозь прутья и унести ценные вещи". – Мне не верилось, что местные откормленные обезьяны могут куда-то просочиться, разве что в дверь войти и то бочком. Жанна больше всего боялась крыс, запрыгивающих в окна. Однажды, открыв шкаф, она заорала:

– Ну, вот она, смотри! Крыса! Теперь у нас все заражено чумой!

– Жанна, это мышь, – возразила я.

– Мышь?! Такая огромная?

– Индийская мышь, – настаивала я, – тут и обезьяны большие, и тараканы...

– Замолчи! – попросила Жанна. – Здесь невозможно больше находиться.

Почти каждый день мы ездили к персам. С ними можно было пошутить и посмеяться над своими злоключениями, посмотреть американские фильмы или клипы по цветному телевизору, помечтать о том, какую прекрасную квартиру мы себе найдем. Нас вкусно кормили и давали с собой какие-нибудь вещи, чтобы скрасить полутюремный быт.

– Баба! – обратился однажды Реза к Али. – Так они скоро весь дом вынесут. Не лучше ли нам всем вместе жить?

– Правда, – сказал добрый Али, – дом большой, отдадим вам половину!

– Я на два месяца в Иран еду, – добавил Реза. – Вообще много места будет.

Мы подумали и согласились. Депозит платить не надо. Мебель покупать не надо. Ренту за квартиру ICCR оплатит. Из общежития сбежим. Красота! Хотя бы на два месяца, а там видно будет.

Сладкая жизнь

Сотрудники ICCR пожелали ознакомиться с условиями проживания в нашей новой квартире. Пришлось проявить изобретательность. Мы уговорили иранку Казале, которая недавно приехала в Индию и устроилась в том же доме, что и наши друзья, соврать работникам ICCR, что мы собираемся жить с ней. Все мужские вещи были на время вынесены из квартиры, ботинки задвинуты далеко под кровати, плакаты с полуголыми девицами заменены пейзажами.

В назначенный час мы возвратились в общежитие, встретили Леди Мэтьюс и Сури Рао и познакомили их с Казале. Реза и Али ждали нас с мотоциклами в отдалении. Они приехали, чтобы помочь перевезти вещи.

Следуя за мотоциклистами, Ambassador подъехал к особняку Vijaya Kiran (Луч Победы). По чистенькому дворику, мимо охранников, мы повели Леди Мэтьюс и Сури Рао к подъезду и дальше по лестнице, взяв их в плотное кольцо. Показали холл, кухню, комнаты наверху. При всем к нам недоверии, они согласились, что квартира очень хорошая.

– Главное, безопасно! – сказала Жанна. – Вы видели, сколько здесь сторожей?

Потом мы проводили Леди Мэтьюс и Сури Рао до самой машины, чтобы они не зацепились по дороге с индийцами,

проживающими в доме. Желаемого результата мы достигли: нам разрешили переехать из общежития. Из-под опеки ICSSR мы попали под присмотр иранцев.

– Что ты надела? У тебя есть еще что-нибудь? – спрашивает меня Нейсон. Мы собираемся поужинать в ресторане.

– Так плохо? – пугаюсь я.

– Хорошо. Но для Индии это слишком.

– Опасно выходить на улицу в таком виде, – поясняет Али, – нужна более закрытая одежда.

– У нее все вещи такие, – предупреждает Жанна.

Конечно, я рассчитывала на индийскую жару, а не на возбудимость местного населения. Осмотрев мой гардероб, иранцы восклицают:

– Вах-вах! Сначала едем в магазин. Только потом в ресторан.

В магазине мне подбирают летний костюмчик и платья без смущающих вырезов.

– Чудеса, – шепчет Жанна, на радостях она тоже выбирает себе новую одежду.

В другой раз мы приходим домой немного позднее, чем обычно.

– Куда вы ходили?

– На ипподром.

– Как на ипподром? – у иранцев вытягиваются лица.

– Очень просто, – поясняет Жанна, – у нас был один урок.

По дороге в колледж мы всегда проезжаем мимо ипподрома.

Решили заглянуть. А там как раз скачки.

Иранцы глядят на нас так, как будто мы только что слетали на луну.

– Это же очень опасное место! Скажите правду, вас туда просто так пустили?

– Конечно! Там толпы народу, одни мужики. Вход стоит пять рупий. Мы заплатили пятьдесят рупий за ложу, очень комфортно, все видно. Но ставок не делали.

– Эти девушки такие шустрые, – говорит Реза Али, – мы четыре года живем в Индии и ни разу не ходили на ипподром!

– Не переживайте. Мы все сфотографировали.

– Почему нас не предупредили? – продолжают сетовать иранцы. – Это вам не Россия! Здесь дикие люди.

– Обалдеть! – изумляется Жанна. Если забота учителей и сотрудников ICCR ее страшно раздражала, то забота мусульман вызывает слезы умиления.

– Да чтобы в России вот так, ни за что, второй месяц подряд, водили по ресторанам, барам, дискотекам? Дураков нет! – делится она со мной впечатлениями. – Вот, что такое настоящее ухаживание!

Иранцы же признались позже, что для них было потрясением, когда мы согласились ехать в ночной клуб.

– Мы же тогда были знакомы всего неделю! – вспоминали они. – Ехать ночью на мотоциклах неизвестно с кем, неизвестно куда! Вы очень смелые девушки

В здании Vidjay Kiran иранцы занимали несколько квартир. В одной из них жил Реза Ширази, к нему-то и приехала Казале. Целью ее, как поговаривали, была не учеба, а сам Ширази. Но он устоял перед соблазном: в Иране его ждала юная и очень богатая невеста. Казале – девушка тоже далеко не бедная – утешала себя походами в магазины. Она скупала золотые украшения и приглянувшиеся индийские наряды.

В другой квартире проживал Хусейн. Из всей компании он был самым тихим и робким. Украшением его интерьера в холле были два настенных олимпийских медведя и огромная гипсовая челюсть. Все наши друзья учились в Индии на дантистов. Учеба им давалась нелегко. Больше всех преуспел Али, он добрался до третьего курса. Тридцатилетний Реза Сафари застрял на втором. Хусейн уже четыре года учился на первом курсе. Деньги за обучение и содержание они исправно получали у родителей, даже не пытаясь подработать.

Эти жизнерадостные прожигатели жизни не мучились угрызениями совести, ругали Индию и индийцев, но, в то же время, не желали возвращаться в Иран, где господствовал строгий мусульманский режим и всем заправляли муллы.

По телевизору там показывали бесконечные выступления лидеров ислама или игру на национальных инструментах. Даже в жару ходить по улицам разрешалось только в костюме. Женщины носили косынки на головах и темные бурки, потому что без них сразу забирали в полицию, стыдили и штрафовали. Мужчинам запрещали заговаривать с дамами

на улицах. Впрочем, любые сборища и праздные беседы не приветствовались. Во время намаза надо было все бросать и молиться.

Только в стенах своего жилища можно было расслабиться. Они маскировали на крышах спутниковые антенны, покупали в армянских колониях домашнее вино, устраивали вечеринки, на которых женщины сбрасывали бурки и платки и оказывались в мини юбках, а потом ночь напролет плясали под удалые мотивы запрещенных местных и иностранных музыкантов. Запрет на все разжигал желания и придавал остроту самым простым и привычным для них действиям.

Индия – демократичная страна. Люди разных сословий и вероисповеданий живут здесь бок о бок, не ущемляя друг друга. На одном пяточке земли помещаются церковь, мечеть и индуистский храм. Из нашей квартиры слышны и пронзительные напевы муллы (первый раз он кричит в пять часов утра) и аллилуйя Христу. А индусы приводят во двор украшенного блестящей красной попоной слона, чтобы люди могли поклониться священному животному и предложить ему фрукты.

Здесь не существует понятия моды. Замужние женщины на протяжении веков носят сари – красивый и сексуальный наряд. Но девушки предпочитают шальвар-камиз – более демократичную одежду. Это комплект из длинных удобных штанишек, платья и широкого шарфа – дупатта. Яркие, расшитые цветными нитями, шелковые или льняные, эти на-

ряды никогда не повторяют друг друга. Шарфом девушки прикрывают грудь, создавая преграду алчным взорам горячих индийских мужчин. В цивилизованном Бангалоре популярны джинсы и другие разновидности европейской одежды. В магазинах доступны самые откровенные вечерние платья, сарафаны и купальники. Но, если нарядиться так, что видны колени и плечи, на улицу лучше не выходить. Каждый встречный громко сообщит все, что он думает по поводу вашего платья и вашего тела, а за вами потянется шлейф поклонников.

Здесь есть спутниковое телевидение для всех желающих, шестьдесят с лишним каналов, все современные музыкальные клипы, Fashion TV, новости CNN и BBC, фильмы индийские и американские, популярные сериалы. Огромные, "долби-диджитал" кинотеатры, где в прохладных залах можно посмотреть новые фильмы, всегда набиты до отказа. Пиратские копии любых фильмов на дисках легкодоступны всем и свободно продаются на рынках города.

В городе сотни баров, ночные клубы и дискотеки, интернет-кафе – на каждом шагу. Из самого глухого района города можно легко позвонить в родной Хабаровск.

Индия завораживает нас. А иранцы капризничают, сетуют на грязь. В Иране, люди, возвращаясь домой с улицы, не разуваяются. Здесь же такое и представить невозможно. Наши друзья жалуются на то, что их везде хотят обмануть и одурачить. Сравнивают Индию со своей родиной, где до сих пор

отрубают руку за воровство. Иранцы уверены, что каждый второй индеец – колдун, и сама эта земля волшебная. Поживешь на ней некоторое время и уже не вырвешься, нравится тебе это или нет. Может, этим они объясняют свои провалы на экзаменах. По-моему, дело проще. Они бойко болтают по-английски, но не могут выучить правописание – довольно сложный предмет в английском языке. Естественно, им не засчитывают ту абракадабру, которую они пишут на экзаменах. Даже в названии главной улицы города персы допускают ошибки.

Наше утро теперь начинается с тонкого лязга металла во дворе – это точильщик ножей предлагает свои услуги. Потом звонкими голосами выкрикивают каннарские слова торговцы овощами, которые запруживают своими тележками двор. Молочница приносит молоко. Служанка готовит на кухне завтрак и обед. Она открывает дверь своим ключом, чтобы не будить хозяев. К завтраку мы пробуждаемся и постепенно подтягиваемся в холл. Иранцы накрывают на стол, и все дружно садятся завтракать. Но брать еду сразу не позволяет этикет.

– Уважаемый Али Мирлоги! Не соблаговолите ли вы первым отведать эти скромные самосы с большого блюда? – начинается ритуал Реза Сафари.

– Что вы, любезный Реза Сафари! – в ужасе отшатывается от стола Али. – Только после вас.

– Я не могу взять самосы с этого блюда прежде вас, до-

сточтимый и многоуважаемый Али Мирлоги! Пожалуйста, усладите ими свои уста первым! – не сдается Реза.

– Позор на мою бедную голову, если я дотронусь до них раньше вас, о учтивейший...

– Так! – не выдерживает Жанна. – Я возьму. – Она переносит золотистый индийский пирожок с большого блюда на свою тарелку. – Теперь налетай, ребята!

Иранцы облегченно вздыхают и едят дальше без выкрутасов. Интересно, как они справлялись без нас?

После трапезы, к чаю, Али достает из холодильника десерт – сладости из Ирана. Они никогда не переводятся в этом доме. Знакомые или родственники приезжают из Ирана в Индию и обязательно одаривают ими иранских студентов. Мы жуем вязнущие на зубах сладости с фисташками, которые называются "газ", жуем, потому что они являются теперь неотъемлемой частью нашей жизни, сладкой и беззаботной.

Нам ничего не надо делать. Нудный быт остался позади в прошлой, не такой сладкой жизни. Служанка моет посуду и прибирает в квартире. Мусор, выставленный за дверь, уносит смуглый жилистый дед в белом дхоти. Правда, стирать свои вещи служанке мы не доверяем, потому что видели, как она сворачивала в тугой жгут персидские рубашки и колотила этим жгутом об пол в душевой. Это привычный национальный способ стирки. Так можно обойтись минимумом мыла или порошка. Дырки и выдернутые в процессе нити никого не смущают.

– Не переломимся, сами постираем платья и нижнее белье, – решительно заявляет Жанна. – А постельное – пусть колотит, не жалко.

Высушенное белье собирают в охапку и несут вниз, в подвал. При тусклом электрическом свете гладильщик пересчитывает вещи и, молча, кивает головой. Утюг у него колоритный – на углях. Позже он приносит домой стопку выглаженного белья и одежды. Плата за выглаженную вещь смешная: всего одна рупия.

Мы готовим изредка, чтобы друзья попробовали блюда русской кухни. Они, правда, не слишком ее жалуют. Борщ называют "овощным рынком в одном котле", пельмени – "кусками сырого мяса в непроваренном тесте". Они не верят, что нормальную еду можно приготовить быстро. Рис по их методу готовится два часа, при этом он остается рассыпчатым и вкусным. Куриный суп – это, вообще, еда для больных. Оливье они считают своим национальным блюдом. В Иране все ингредиенты перемалывают и перетирают, в результате получается однородная паста, которая тоже называется "оливье". По их мнению, так и надо готовить это блюдо. А мы непривередливые, дружно хвалим иранскую пищу, и довольные персы готовят намного чаще нас. Разумеется, когда устают от еды, которую варит служанка. Особенно здорово у них получается кебаб. Приспособление для его жарки они называют "мангал", и слово "шашлык" им знакомо. Совпадения в наших языках всегда радуют нас.

«Здесь совсем не умеют делать колбас и сосис», – сетует Али. Мы с ним согласны, в России "колбас" и "сосис" тоже вкуснее здешних. Также как в России, в Иране пьют черный чай без молока. "Вторячок" – дело немыслимое. Чай должен быть только свежим, иначе гости будут оскорблены и никогда больше не придут.

У них тоже есть слово стакан, но так называют кружку. Ватрушка – понджик, сахар – шаккар, утюг – утю. Чюмодан, лак, фитиль, комод, душ, ван, сарафан, абажур, цирк и прочее, – всех совпадений не перечислишь. На севере Ирана даже помидор называют помидором.

Нам больше не о чем беспокоиться. Только изъявлять желания.

– Мне надо съездить в магазин, в больницу, отправить письмо, выщипать брови...

– Без проблем!

– Я хочу напечатать фотографии, съесть пирожное, потанцевать...

– Мигом организуем!

Женщинам нельзя отказывать. Они впечатлительные. Могут обидеться и заплакать. Они ничего не решают самостоятельно. Их нужно лелеять и оберегать от невзгод и защищать от негодяев, которые встречаются на каждом шагу. Лучше вообще никуда одних не пускать! Если у меня болит голова, или Жанна порезала палец, Али поджигает на блюде специальные зерна и окуривает нас дымом от "назара", т.е. сглаза.

– Почему восточные женщины жалуются, что их угнетают? – возмущается Жанна. – Все их капризы выполняются! Еще и свободу им подавай!

Мы не променяем свободу на восточные сладости, но поневоле сравниваем защищенную и спокойную жизнь восточной женщины с непростой судьбой женщины русской.

Махарани колледж

Наш колледж – остров джунглей, отгороженный со всех сторон от внешнего мира, находится, на самом деле, в бойком месте. Рядом с ним располагаются дешевые рынки, индийские барахолки, излюбленные народом кинотеатры с откровенными рекламами сочных каннарских фильмов, вокзал, ипподром – все, чем знаменит грязный и вульгарный район Majestik ("величественный" в переводе с английского).

Напротив колледжа, через дорогу, высится Центральная городская тюрьма. Мы каждый день наблюдаем очереди родственников заключенных, ожидающих возможности вручить горемыкам передачи. Рядом с воротами колледжа всегда стоят тележки с гуавами, а возле тюрьмы можно приобрести жаренную на углях кукурузу. Девичий колледж магнитом тянет к своим стенам женихов. Бдительная полиция не разрешает им парковать свой транспорт у ворот, поэтому молодые люди ставят мотоциклы у тюрьмы, и вытягивают шеи, высматривая в пестрой толпе своих возлюбленных. У внешней стороны забора целый день сидят торговцы, предлагающие резинки для волос, бинди – декоративные наклейки на лоб разной формы и цвета, орехи, козинаки, бананы и т. д. – всякую всячину.

Еду можно купить и в столовой. Там тесно, поэтому студентки выносят тарелки на улицу и усаживаются на каменные скамейки. Есть надо быстро, действует рэкет. Обнаглевшие обезьяны подходят к девушкам и угрожающе шипят. Вида их оскаленных зубов достаточно, чтобы выронить тарелку. Как оказалось, решетки на окнах это не специфика нашего общежития, их ставят повсюду, защищаясь не от преступного мира, как у нас, а от обезьян. Если оставить дверь открытой, хитроумные твари проникают в комнату и сразу направляются к холодильнику; все, что нравится, съедают, остальное рассыпают, проливают – пакостят, одним словом. Во дворе Махарани колледжа им привольно. Можно часами наблюдать, как они резвятся в ветвях деревьев, воспитывают детенышей, дерутся и вытаскивают друг у друга вшей.

Обучение в Махарани дешевле, чем в других известных колледжах города. Не случайно ICCR определило нас именно сюда, иначе им пришлось бы заплатить большие взносы, которые берут, например, христианские "крутые" колледжи Болдвин и Бишоп. Программа обучения везде одна и та же: все колледжи входят в состав Бангалорского университета.

– Да-а-а, – тянет Жанна, впервые переступив порог учебного заведения для девочек. – Это здание не знало ремонта со времен королевы Виктории.

– Простенько, – соглашаюсь я.

Здесь было бы совсем мрачно, если бы окна не выходили в сад с буйной тропической растительностью, а студентки не

носили ярких нарядов, сочетая в одежде самые немыслимые цвета. Хорошо хоть парты и скамьи в классах деревянные, а не каменные. Нас немедленно окружает стайка учениц.

– А вы откуда?

– Как вас зовут?

– Вы так похожи! Сестры, наверное?

– Молочные, – криво улыбается Жанна. Похожими нас никто прежде не называл. Правда, темнокожие черноглазые девицы с длинными косами и белозубыми улыбками тоже кажутся нам похожими друг на друга. Получив необходимые сведения, они тут же начинают обсуждать нас на незнакомом наречии каннада, смеются и стараются потрогать руками.

– Смотри, какая хорошенькая! – я снимаю со стены ящерку с прозрачной кожей.

– А–а–а!!! – поднимается визг со всех сторон, и любопытные индийские девчонки кидаются врассыпную. Ящерица для индийца – страшный зверь. Хотя она и безобидна, в Индии ее считают омерзительной тварью. Примерно так же, как в России брезгают тараканами. Зато к тараканам индийцы относятся спокойно. Могут прибить кулаком, а они там размером с мышь полевку, или просто выбросить на улицу, если попался. Местные тараканы отлично летают, но приятнее от этого не выглядят.

Урок всегда начинается с переклички. Учитель называет имена по алфавиту, а студентки отзываются: "да, мэ" или "да, сэр". Дисциплина на уроках армейская, девушки не поз-

воляют себе даже шушукаться. Грозного окрика достаточно, чтобы пресечь любой посторонний шум. Учитель диктует лекцию, и все прилежно записывают. Создается впечатление, что студентки явно кем-то запуганны. Особенно сильно они боятся "сэров".

На уроке английского языка преподаватель читает всему классу текст. Потом указывает пальцем на выбранную жертву и говорит: "Ты! – сэр Фарук умеет выразительно вращать глазами. – Скажи, что ты поняла из этого абзаца?"

Студентка встает, опустив голову, а потом вдавливая ее в плечи, как будто боится, что ее ударят.

«Ну, живее!» – в голосе сэра сквозит раздражение, и глаза едва не выпрыгивают из орбит. Он поднимает на ноги весь класс и ждет вразумительного ответа. Двоечницы стоят до конца урока.

В другой раз мы изучаем роман о жизни африканского племени на английском языке. Преподаватель – милая пухленькая индусочка, с чувством, в меру драматизируя, рассказывает нам о характере главного героя романа Оконко. Класс слушает, затаив дыхание. Неожиданно она прерывает повествование и с благожелательной улыбкой обращается к девушке, сидящей за первой партой:

– Как тебя зовут, милая?

– Кабриз, – отвечает та и встает (отвечать преподавателям принято стоя).

И тут наша учительница начинает задыхаться и дергаться

в судорогах.

– Пошла вон, Кабриз! Что б духу твоего здесь не было! – на этот раз не только Кабриз пугается. Весь класс приподнимается и готовится к бегству. А учительница, отдышавшись, мягко продолжает:

– Вот таким Оконко был в гневе.

Наша учительница по социологии обладала высоким пронзительным голосом. Приходилось затыкать уши, оберегая барабанные перепонки, или пропускать уроки – здоровье дороже.

Студентки усердно строчили лекции под диктовку. "Проблем не будет, – обрадовались мы, – все, что пропустим, потом перепишем". И, когда понадобилось, попросили у сокурсниц тетради. Как же мы изумились, увидев написанную там абракадабру. Ни безграмотно составленных слов, ни, тем более, предложений невозможно было понять.

Я внимательнее присмотрелась к прилежным девушкам и обнаружила, что некоторые и вовсе не утруждают себя написанием букв. Чертят в тетрадях волнистые линии, а со стороны выглядит так, как будто они пишут. Это меня поразило. Понятно, когда на уроке скучно, не слушаешь, рисуешь картинки. Но заполнять волнами лист за листом – просто страшно.

Позже мы выяснили, кто из девчонок сообразительнее, лучше учится, хорошо знает английский язык и пишет без ошибок. Нам посоветовали купить "digest" – книжечку с воз-

можными экзаменационными вопросами и ответами. Достаточно их выучить, чтобы получить проходной балл на экзаменах. Необходимость посещать занятия вообще отпала, но без определенного (довольно большого) процента посещаемости к экзаменам не допускали, поэтому мы старались, время от времени, там появляться. Сколько было выдумано причин, оправданий прогулов, сколько принесено справок!

Индианки тоже не все добросовестно посещали занятия. Наша подруга Туша заглядывала в Махарани еще реже, чем мы. Она училась в двух колледжах сразу и одновременно подрабатывала в модельном агентстве, времени на учебу конечно не хватало. Учителя журили ее, но не особенно: понимали, что девочка умная и без их помощи справиться. Ее сообразительности и способностей оказалось достаточно, чтобы получить хороший проходной балл. К нам тоже стали меньше приставать, после того как мы успешно сдали первые экзамены. Больше половины девушек провалили их с треском. После волн в тетрадах я уже не удивлялась тому, что из ста возможных баллов по предмету можно набрать пять.

Большинство учениц Махарани колледжа не стремились получить образование. Просто их родители еще не подобрали дочкам достойных супругов и опасались, что девушки будут болтаться дома без дела. А в строгом учебном заведении за ними с пристрастием наблюдали учителя. Кроме того, за образованную дочь приданного полагается давать меньше, потому что она имеет шанс получить работу и приносить до-

ход семье.

Девушки в Индии не выбирают себе женихов по сердцу. Они должны полагаться на выбор родителей. Зачастую молодушка видит своего мужа до свадьбы лишь несколько раз и почти не общается с ним. Жених приходит на смотрины невесты и тоже молчит, беседуют родители. Они расспрашивают соседей, на глазах которых выросли юноша или девушка, советуются с уважаемыми людьми. "Моей сестре понравился жених, которого приводили вчера, – сообщает Рупа. – У него усы, как раз такие, как она хотела". – Жениха подбирают из той же касты, к которой принадлежит семья невесты. Семьи должны быть одинакового социального уровня. Большое значение придают астрологическому прогнозу: будущие супруги должны соответствовать друг другу и по гороскопу. Разве смогут молоденькие несмышленные дочери учесть все эти важные факторы, выбирая себе суженого?

Но все-таки индийские девушки и до свадьбы встречаются с юношами. Как бы ни предостерегали их родители, они влюбляются, и, конечно же, не в тех, в кого надо. Все, что в России принято делать вечером, здесь происходит днем. Поприисутствовав на первом уроке, юные студентки, ищущие приключений, отправляются на MG или Brigade Road. Утром переполнены все кафе, открыты бары, устраиваются дискотеки. В помещениях зашторивают окна и создают ночь среди бела дня. Включают громкую музыку, иллюминацию и самозабвенно танцуют. В пять вечера дискотека заканчи-

вается, и молодежь идет по домам, чтобы рассказать родителям, как славно они провели время в колледже и библиотеке.

Говорят, есть хорошие фильмы, плохие и индийские. Принято считать, что индийские фильмы неправдоподобные. Только в Индии мы поняли, что фильмы эти верно отражают индийскую действительность и тонкости взаимоотношений. Влюбленные юноши, действительно, ведут себя как сумасшедшие. Они выжигают имена красавиц у себя на запястьях, пишут письма кровью, клянутся в вечной верности. Но горе той, которая им поверит! Жениться они, все равно, предпочитают на той девушке, которую выберут родители. А кровь для страстных писем часто берется из куриной печени, и циничные девушки об этом знают. Они дарят любимых розовыми открытками, плюшевыми сердцами и стихами примерно такого содержания: "Я люблю тебя, это факт. А теперь... любишь ли ты меня? Как только я закрываю глаза, вижу перед собой одну вещь – это твое лицо". Донжуаны бросают жребий, пускаются во все тяжкие, пытаются соблазнить девиц. Девушка тоже может играть на чувствах, уверять поклонника в любви, гулять с ним неделю–две, пока обнадеженный друг радостно тратит на нее деньги. Потом целомудрие побеждает, и коварная искустельница вспоминает о любимых родителях, которых она больше не желает расстраивать своим неправильным поведением. Все это похоже на игру, и в дураках остается тот, кто больше увлекся.

Наша подруга Рупа на распутье. Выбирает жениха:

«Гурупрасад и тот парень, который пропустил нас на дискотеку бесплатно, оба из моей касты, за них я могу позже выйти замуж. Зато Мохан – просто очаровашка. И Сунил такой хорошенький! Анил очень порядочный, зрелый. Кого же предпочесть?»

Каждый день во дворе Махарани колледжа девушки-подружки расчесывают и переплетают друг другу косы, примеряют цветы, рисуют бинди, красят ногти. Они показывают друг другу фотографии своих обожателей или календарики с изображением популярных актеров и без усталости рассказывают о достоинствах существующих или мнимых кавалеров.

Все индуски, даже самые страшненькие, в отличие от русских девушек, на сто процентов уверены в своей привлекательности и востребованности у мужского пола. В повседневной жизни они почти не красятся, не носят обувь на каблуках, не сидят на диетах, из европейской одежды осмеливаются носить только джинсы и футболки. Они убеждены, что мужчины не спускают с них глаз, и таинственной улыбкой дают понять, что им известно все об их гнусных намерениях.

"Мой брат не пускает меня одну из дома, – говорит неповоротливая курносая толстуха Гаятри, темная, как сама ночь, – он всегда провожает меня до остановки, чтобы никто не пристал по дороге". Как правило, отношения мальчиков и девочек до свадьбы не заходят дальше флирта, походов в кино, парки и любовной переписки.

Девушка, поддавшаяся соблазну и уступившая домога-

тельствам парня, становится изгоем в обществе, если, конечно, о ее "преступлении" станет известно. Замуж не выйдет не только она, но и младшие сестры. Так что индийские девушки осторожны. Повздыхают, страдают и довольствуются родительским выбором.

Но многое меняется даже в Индии. Родители Туши поженились по любви, нарушив традицию. Потом все-таки не сошлись характерами и разъехались. Ответственно воспитывали двух дочерей: девочки жили то с мамой, то с папой. Туша, как и мама, выбрала себе половинку сама. Они с Арджуном были преданны друг другу и неразлучны. Девушка прожгла себе ладонь сигаретой, чтобы побудить Арджуна бросить курить. Будучи беспутным студентом Арджун пил пиво и курил марихуану. Вместе они ходили на дискотеки и в ночные клубы. От бурной страсти она ему уступила. Когда они решили пожениться, родители Арджуна пришли в ужас: "Только не бангалорская девушка!" – Девушки из Бангалора считаются в Индии развязными и распущенными, потому что в этом городе слишком доступны гнилые плоды европейской цивилизации.

Но сыночек уперся – только Туша станет его женой. Она принадлежала к высшей касте браминов, зато он был из очень состоятельной пенджабской семьи. Закончив колледж, они поженились. Арджун увез Тушу в небольшой город в Пенджабе, где у отца была своя фабрика.

Через год мы снова встретились с Тушей, как всегда под-

тянутой и стильной, в Бангалоре. Они не развелись. Просто жить в Пенджабе ей не понравилось.

«Утром встаешь, – рассказывает она, – и первым делом цепляешь на себя кучу золотых украшений. Носить можно только сари. Всех дел – следить за служанками и придирааться: "Почему здесь пыль не протерла? Почему цветы несвежие в вазе?"

Днем сидим дома со свекровью. Она тоже мается, каждый день велит слугам мебель переставлять в доме. Пойдешь в свою комнату, включишь телевизор, свекровь непременно рядом взгромоздится. "Какой стыд! Какой срам! Как ты можешь это смотреть!" – это она музыкальный канал MTV комментирует. Муж придет с работы, свекровь сразу к нему: "Сыночек! Побудь с мамочкой!" – к жене, сына ревнует! Арджун тоже изменился. Все запрещать стал. К родителям подлаживаться просил. А раньше так свободу любил! Собрала вещи, сказала, что уеду. Он мне: "Ну, потерпи немного, свое дело открою, в Дели переедем". – А я ему говорю: "Когда откроешь, тогда и вернусь". – Так и расстались, а какая любовь была! Куда делась?» – удивляется Туша.

В Бангалоре она сняла квартиру, устроилась на приличную работу, возобновила связи с модельными агентствами и поступила на очередные курсы. И сразу воспрянула духом, современная независимая индийская женщина Туша.

Экзамены в Махарани колледже сдают раз в год, в мае-июне. Есть промежуточная сессия в октябре, но это только

для тех, кто не сдал какой-нибудь экзамен. Студент с хвостами переходит вместе с ними на следующий курс. Можно закончить колледж, а потом еще нескольких лет сдавать проваленные в прошлом экзамены, каждый раз за отдельную плату. Диплом, разумеется, выдается только тем, кто все сдал. В медицинских колледжах по-другому. Там, пока все экзамены не сдашь, на следующий курс не перейдешь. И плата за пересдачу очень высокая. В Махарани же – все за копейки.

Но подход к приему экзаменов одинаково суровый. Теорию сдают письменно. У каждого студента есть свой экзаменационный номер. Указывать свое имя на листах для ответов запрещено и карается исключением. Эти номера заранее нарисованы мелом на партах. Расстояние между испытуемыми такое, что как не вытягивай шею, списать не удастся. Вещи студенты оставляют у входа. В назначенный час экзаменаторы вскрывают конверт, присланный из Бангалорского университета, и раздают студентам листки с перечнем заданий. Как правило, там восемь или девять вопросов по всем крупным разделам изучавшегося предмета. Отвечать надо подробно. На экзамене по хинди все вопросы написаны тоже на этом языке, по другим предметам – на английском и на языке штата. За три часа необходимо дать развернутые ответы на пять вопросов.

Студентки лихорадочно строчат и могут исписать три-четыре тетради для ответов (каждая по шесть-восемь листов). Но многословие – не гарантия успеха. Достаточно и одной

тетради, если ответы четкие и правильные. В аудитории находится человек пять-шесть взрослых: преподавателей и полицейских в гражданской одежде. Они зорко следят за экзаменуемыми, пресекают любой шум или неосторожные движения, ходят вдоль рядов. За шпаргалку студента выводят из аудитории и на три последующих года лишают возможности сдать экзамен. Списать невозможно. Для индианок экзамены – настоящий стресс. Рассказывали о случаях самоубийств накануне испытаний, приступах и обмороках во время оных, но нам столкнуться с экстремальными ситуациями не довелось.

Учеба нас особенно не обременяла и экзамены тоже. Максимальное количество баллов, т.е. сто из ста, не ставят никому. Выше шестидесяти баллов – это уже первый класс, восемьдесят баллов и выше получают только гении. В разных университетах соответствие классов и баллов несколько различается. А от сессии до сессии, как и везде в мире, живут студенты весело.

Выпускное паломничество

– Жанна! Смотри, как интересно! Старшекурсники едут в путешествие по индийским храмам. Колледж все организует: проезд, питание!

Жанна заглядывает в проспект о поездке.

– Главное, изумительно дешево! – хмыкает она.

– И абсолютно безопасно, – киваю я.

– Лучше уж поехать на Гоа, самим, чтобы некому было нас обсуждать.

– На Гоа в любой момент можно съездить, – возражаю я, – а тут за смешные деньги можно столько увидеть...

– За такие деньги так укатают, что свету белому рад не будешь! Подумай, что будешь есть? Ты же нос воротишь от индийской пищи!

Она говорит правду. Но разве это причина, чтобы отказаться от возможности посмотреть Тируванантапурам и Каньякумари?

– Ты как хочешь, а я поеду. – Жанна смотрит на меня удивленно, обычно решения принимает она. Подумав день и ночь, она решается составить мне компанию.

Приобретаем благотворительную путевку и готовимся к поездке.

Складываем в рюкзаки теплую одежду, одеяла, посуду,

фонарь – требование инструкции. Для поддержания сил мы покупаем дорожное печенье, непростое, со всеми компонентами, необходимыми для поддержания жизни. Еще запасаемся шоколадом и таблетками от тошноты и поноса и сразу чувствуем себя спокойнее.

Всего в путешествие собираются пятьдесят девочек и четыре преподавателя. И эта толпа должна погрузиться в один автобус.

"Один автобус? – удивляется Али. – Странно. В нем тридцать два места, как же туда поместится пятьдесят четыре человека? А расстояния... большие: Карнатака, Тамилнаду, Керала! Маршрут дней на десять, не меньше". Друзья решают, что затея эта нереальна. Остается проверить, действительно ли это так.

В назначенный день путешественники и провожающие собираются во дворе колледжа. Царит веселая неразбериха. Автобус приходит в шесть часов, а не в четыре, как обещали, но это для Индии обычная история, так что никто даже не волнуется из-за такого пустяка. К транспортному средству бросаются все разом: по части быстро занять места индийцы – мастера. Пока самые шустрые лезут в двери, самые умные закидывают вещи в открытые окна на сидения. Но и мы не зеваем, так как знаем, что мест меньше, чем желающих ехать. Нам достаются два кресла за кабиной водителя, и, довольные, мы размещаем свои рюкзаки с одеялами под ногами, оккупировав себе жизненное пространство на предстоя-

щие дни пути. Как и ожидалось, не всем удастся разместиться, но девушки не унывают, они приносят стулья из колледжа и расставляют их в проходе. Уже смеркается, когда автобус трогается в путь.

Мелькают за окном знакомые и незнакомые улицы, зажигаются первые фонари и вывески ресторанов и магазинов, спадает дневная жара. А в душе сверкает необъяснимая радость. Я отправляюсь в неизведанные места и предвкушаю приключения, и все в этот вечер и после будет по-другому, а не привычным образом. Магнитофон работает на всю мощь, заливаются переливчатыми трелями популярные индийские певцы.

Ехать в автобусе по Индии интересно. Здесь не бывает безжизненных пространств. Город сменяют поселки и деревни, перемежающиеся кокосовыми или банановыми плантациями, рисовыми полями, озерами и реками, в которых непрерывно моются люди и стирают яркие сари и белые дхоти. Стада буйволов или волов, процессии со слонами, торговцы, толкающие тележки с фруктами – все они движутся вдоль дороги навстречу проезжающему автобусу. То и дело впереди вырисовываются храмы и церкви, крепости и средневековые замки, которые не выглядят заброшенными. Беднота, собрав из разного подручного материала скромные лачуги, копошится вокруг них, разводит огонь, жарит кукурузу, жует тростник. Тепло, и не беда, что вся жизнь проходит под открытым небом. Такое впечатление, что всю доро-

гу показывают ненавязчивый документальный фильм. Даже ночью не покидает ощущение, что я нахожусь среди тысяч и тысяч людей на древней земле. Но они настолько гармонично вписываются в эту среду, что их присутствие не раздражает, и мне не жаль делить с ними звезды, тонкий запах цветущих магнолий и ласковый южный ветер.

В большой кабине водителя разместились пятеро молодых мужчин. Они оживленно болтали друг с другом. В Индии нет правила "хочешь жить – не отвлекай водителей", поэтому они постоянно общались с посторонними, даже на крутых виражах горных дорог, не говоря уж о равнинах! Мы думали, что все эти люди будут время от времени крутить баранку, ведь путь предстоял долгий. Но очень скоро выяснилось, что водитель у нас один. Правда, у него был помощник, который протирал стекла, выбегал из автобуса в трудных местах, чтобы разобраться с ситуацией на дороге и показать, как проехать. Еще он энергично жестикулировал, когда мимо окон проплывали другие транспортные средства. Правила вождения в Индии заключаются, по-моему, в том, чтобы уметь распознавать жесты всех шоферов на дороге и быстро, верно на них реагировать. Остальные четверо оказались поварами.

Рано утром мы прибыли в какой-то перевалочный пункт, где можно было умыться и привести себя в порядок. Индианки побежали в душевые, вымыли головы и переоделись в свеженькие шальвар-камиз. Ходить два дня подряд в одном

и том же наряде не принято. Если девушка случайно останется у подружки на ночь, то скорее позаимствует у той платье, чем появится дважды в одном и том же одеянии. Только у нас с Жанной были рюкзаки, остальные прихватили с собой громоздкие квадратные чемоданы дизайна времен колонизации. Еще бы! Надо же было куда-то сложить наряды на шесть дней! Хорошо, что в России с этикетом проще.

На стоянке имелась пара столовых, и помимо блюд нашей бесплатной походной кухни, можно было купить дешевой еды на стороне. Чудесное печенье приберегли. Ближе к полудню мы приехали в Мадураи – город в южном индийском штате Тамилнаду, чтобы посмотреть знаменитый храм богини Минакши.

"В храм не пропустят в обуви, – объявили наши сопровождающие, – давайте оставим ее в автобусе и пройдемся босиком". Все согласились. "Ну что же, – кивнула Жанна на высокое, украшенное каменными рельефами здание храма, перед которым остановился наш автобус, – недалеко, пойдем". – К тому времени она уже перестала бояться чесотки и другой заразы. Сюрприз заключался в том, что сооружение, которое мы увидели из окна, не было храмом Минакши! По пыльной, замусоренной и заплеванной улице оживленного тамильского городка мы шагали минут двадцать. Ощущение было не из приятных, но все шли, и мы – за ними.

Храмовый комплекс поразил размахом. Две тысячи лет тому назад город Мадураи был столицей южной династии

Пандьев, а богиня Минакши (та, чьи глаза напоминают двух рыбок) была их покровительницей. По преданию, еще до того, как Пандьи стали королями, муж и жена из этого рода взмолились о ребенке. Сама богиня Парвати явилась им в образе маленькой девочки в жертвенном огне. Три груди вместо двух было у нее. Но бог Шива предсказал, что третья грудь отпадет сразу, как только девушка встретит своего мужа. Девочка выросла и стала знаменитой воительницей, она добилась царства для Пандьев. А во время битвы в Кайлаше ей повстречался сам Шива. Пророчество сбылось: лишняя грудь отпала, и они с Шивой поженились.

На первый взгляд, в Индии очень много богов, но люди часто поклоняются одним и тем же богам под разными именами. В основном индусы делятся на три группы: вишнуиты, шиваиты и шактии. Вишнуиты больше всех богов почитают Вишну, бога-спасителя, который воплощается на земле, когда особенно тяжело, чтобы бороться с несправедливостью. Кришна считается одним из его воплощений. Они также почитают его жену, прекрасную Лакшми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.